

фантастическая
история

Книги Ивана Оченкова
в серии «Фантастическая История»

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРИНЦА ИОАННА МЕКЛЕНБУРГСКОГО
ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ МЕКЛЕНБУРГА

МОСКВА, 2017

фантастическая
история

Иван Оченков
Великий герцог
Мекленбурга

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
О-95

Серия основана в 2010 году
Выпуск 120

Оченков И. В.

О-95 Великий герцог Мекленбурга: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 345 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-2416-0

Новые приключения нашего современника и соотечественника, волей судьбы оказавшегося в XVII веке.

Век шпаг, мушкетеров и кружевных воротников... Он всего два года в этом мире, но можно сказать, что жизнь удалась. Он великий герцог и женат на принцессе, а шведский король его лучший друг. Он уже известный военачальник, его любят прекрасные женщины, знакомством с ним гордятся друзья, а враги скрежещут зубами при одном упоминании его имени. А где-то там его родина, терзаемая врагами...

Послушай, парень, какое тебе дело до родины? У тебя ведь все хорошо!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Оченков И. В., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2416-0

В старину Балтийское море называли Студеным. Оно и вправду часто бывает хмурым да неласковым, особенно осенью и зимой, когда бушуют частые шторма. В такую погоду лучше не испытывать судьбу и сидеть дома у теплой печи, однако не все могут это себе позволить. Кому-то нужно заниматься промыслом, кому-то торговлей, а кому и войной. Я как раз из последних, даром что природный аристократ и князь Священной Римской империи, которому шведский король Густав Адольф после женитьбы на его сестре пожаловал титул великого герцога. С тех пор как очутился в этом мире, я не занимаюсь ничем другим, кроме как войной. С датчанами, с поляками, судя по всему, теперь придется с русскими. А ведь я и сам русский, точнее, был им то ли в прошлой, то ли в будущей жизни. Тогда я звался Иваном Никитиным, но теперь меня зовут Иоганн Альбрехт III, великий герцог Мекленбургский, и я генерал шведской армии.

Так прихотливо крутились мысли в моей голове, пока я стоял, закутавшись в плащ, на высоко поднятом юте моего корабля и наблюдал за вздымающимися волнами. Сидеть в каюте не хотелось совершенно, хотелось какого-то действия. Лихой кавалерийской атаки, пушечной пальбы, на худой конец, славного абордажа! Но вокруг было только беспокойное море, бедолаги-лошади томились в трюме, а пираты сидели на берегу и старались не казать носа в штормовое море. Увы, роскошный дворец, вышколенные слуги, размеренная жизнь и даже любовь принцессы быстро приелись мне. Все-таки не зря меня мои подданные окрестили Странником. Что же, надеюсь, приключения, к которым я так привык, скоро продолжатся.

Впрочем, сначала нужно попасть на южный берег Балтики, где меня ждет моя армия. Ну как армия... полк. И не со-

всем мой, ибо вербовал я его для шведского короля и на его деньги. Впрочем, есть еще мой собственный регимент¹, который я насобирал в своих странствиях в Мекленбурге, Померании и Швеции. Он состоит в основном из моих подданных, а также шведов, голландцев и... русских, которых злая судьба занесла на чужбину. По иронии судьбы именно из-за того, что я так легко завербовал бывших русских пленных, меня и сочли при шведском дворе знатоком «таинственной русской души» вообще и московитских дел в частности. И именно поэтому форштевни моих кораблей резали сейчас пенистые волны Балтийского моря, а я, закутавшись в плащ, стоял на палубе своего корабля².

Нарва встретила меня неприветливо, моросил мелкий дождик. Местные чиновники не проявили к прибытию члена правящего дома должного внимания, за что немедленно поплатились. Такое уж время — никак нельзя спустить. Положено королевскому зятю низко кланяться и подметать пол шляпой, начиная от пристани, — так будьте любезны! Разъяснив местной администрации, откуда берутся дети, и расположившись со всем возможным комфортом, я первым делом наведялся в лагерь своего полка. По моему настоянию Хайнц Гротте расположил его отдельно от всех остальных шведских войск и упорно занимался оттачиванием боевых навыков подчиненных. Надеюсь, теперь заминок в контрмаршах не случится. Мой драбантский эскадрон наконец получил кремневые ружья со всеми прибрудами. Я, когда заказывал оружие и принадлежности, не случайно назвал сумки с мекленбургским гербом патронными. В настоящее время для заряжания мушкета порох в ствол насыпают из пороховницы. Идея приготовить заряд отдельно совершенно не нова — стрельцы, к примеру, именно так и делают, храня заряды в так называемых берендейках, но все как-то привыкли действовать по старинке. Я же приказал боезапас готовить до боя в бумажных патронах вместе с пулями. Теперь для зарядки необходимо раскусить патрон и высыпать заранее отмеренный заряд в ствол. Потом забить в ствол пулю с бумажной оболочкой, причем оболочка послужит пыжом. Все эти вроде несложные действия должны, по моим подсчетам, обеспечить скорострельность не менее

¹ Отряд. — *Здесь и далее примеч. авт.*

² Подробнее см. в кн. «Приключения принца Иоганна Мекленбургского».

четырёх выстрелов в минуту. Ну а поскольку regiment конный, будет достигнута должная мобильность. Теперь его с полным основанием можно назвать драгунским. На случай, если придется драться в конном строю, у каждого драгуна палаш и пистолет. Посмотрим, что получится.

Следующим шагом после прибытия была попытка ознакомиться с недвижимостью, подаренной мне покойным королем Карлом. Однако когда я спросил, где находится мыза Алатскиви и как туда попасть, выяснился один пикантный момент. Оказывается, располагается вышеупомянутая мыза неподалеку от города Дерпта, который еще во время прошлой польско-шведской войны был потерян. Короче, старый король от щедроты душевной пожаловал мне то, что ему не принадлежало. Честно сказать, не ожидал. Хотя сейчас ведь война, мало ли что территория Речи Посполитой, не теряя же собственности из-за забывчивости покойного короля.

Серьезных боевых действий на территории Прибалтики не велось. Собственно говоря, некому было. Польские и литовские силы были отвлечены на Москву, шведские, в общем, тоже. Местные гарнизоны были немногочисленны и не имели большой охоты проявлять активность. И все было бы хорошо, если бы не один герцог, полный неумной энергии. Дерпт (и моя мыза), к сожалению, находился далековато... хотя чего далековато? Если на речных судах по Нарове, а затем по Чудскому озеру, — там и до Дерпта рукой подать по Эмовже. Только вот нужно разведать, а то мало ли.

Чуден Днепр при тихой погоде... Чудское озеро, в общем, тоже ничего, а речка Эмовжа и вовсе сказка, хоть, конечно, ни разу не Днепр. Небольшое суденышко, которое я назвал бы речной баркой, неторопливо скользит по речной глади. На веслах сидят переодетые рыбаками драбанты, а Лелик, Болик и его королевское высочество великий герцог Мекленбургский вольготно расположились на корме и предаются любованию окружающими пейзажами. Впрочем, во мне довольно трудно признать высокородную особу. Одеты я и мои близники как средней руки горожане. Оружие хоть и под руками, но не на виду. Мы, кстати, не просто так палимся по сторонам, а ищем еще одну лодку — с разведчиками. Нам пора бы уж встретиться, но пока их не видно. Вдруг более глазастый (и внимательный) Болеслав замечает какое-то движение в зарослях ивняка под берегом. Осторожно подплываем — и точно,

нам с берега машет казак. На передовой лодке экипаж русский. Со своими бородами они запросто сойдут за местных чухонцев, а то, что немецкий плохо понимают, так это не всем дано. Есть, правда, опасность, что их вычислят местные и стуканут куда следует, но на этот случай с ними Клим. К тому же эсты одинаково плохо относятся и к полякам, и к шведам, что, впрочем, совсем неудивительно: грабят их и те и другие совершенно одинаково. Русских они, конечно, тоже не жалуют, но те их если и грабили, то последний раз лет двадцать назад.

— Рассказывайте, — говорю я Климу с Анисимом. — Узнали чего?

— А как же, герцог-батюшка! — частит Анисим. — Все как есть прознали! Тут, значит, хутор неподалеку стоит. Справный такой хутор...

— А в нем бабы? — хмыкаю я.

Что поделаешь, всю развединформацию Анисим начинает с описания местных представительниц прекрасного пола. Я уже привык, хоть поначалу и бесило. Впрочем, описав баб, полусотник всегда переходит к более важной информации, а глаз у него острый.

— А как же без баб, кормилец, бабы в нем тоже есть, и все как одна...

— Тоже справные?

— Истину говоришь, герцог-батюшка! Бабы справные, кой день их ляхи валяют, а им хоть бы хны! Отряхнутся и дальше работают.

— А что за ляхи?

— А пес их знает, но одеты и оборудованы справно, и кони хорошие.

— Много ли их?

— Да как сказать, важных панов трое, панов поменьше десятка полтора, а челяди, как водится, по трое на брата. Так что всего человек семьдесят.

— Аникита где?

— Следит за ними, иродами.

— Не спугнет?

— Не должен, да они и не сторожатся вовсе. Гуляют, как будто свадьба у них.

— А ты что скажешь, Карл? — обращаюсь я к помалкивающему Климу.

— Я тут к местному пастору подходил. Латиняне обидели его, а я посочувствовал. Так он рассказал, что это отряд пана Завадского. Они с евойным сыном и племянником воевать под знаменами Сигизмунда устали, ну и, как водится, отправились отдохнуть. Поначалу в Дерпте гуляли, да так, что дым коромыслом, а потом повздорили с воеводой. Тот их хотел выгнать, да куда там! Сами, поди, знаете, ваше высочество, шляхтич в поле на коне — с воеводой наравне! Так что теперь пока пан Завадский всю округу не разорит, не успокоится.

— А барон местный?

— А что барон, он и в замке отсидится, что ему делается.

— А чего не выгонит Завадского?

— Выгонишь такого, как же! Не те сейчас бароны, сидят тихо, как мышь под веником.

— Понятно, кони-то, говорите, хорошие?

— Ой, хорошие, герцог-батюшка! — вновь вступил в разговор Анисим. — Аникита как увидел, сам не свой сделался. Говорит «жить не буду, а сведу хоть одного коня»!

— И много коней?

— Да каждый одвуконь, а у панов еще и заводные, так что, почитай, две сотни.

Ближайшей ночью мы окружили хутор, вернее, небольшую мызу, и стали дожидаться, пока люди пана Завадского уgomонятся. Не знаю как ясновельможный пан и его люди воюют, но пить здоровы, это точно. С хутора доносились пьяные крики, играла какая-то музыка. Иногда раздавались визги, перемежаемые совершенно сатанинским хохотом. Наконец к утру воинство утихомирилось. Очень я надеялся, что все поляки перепились вусмерть, а то у меня всего два десятка людей под рукой. Следом должен прийти еще караван с моими спешенными драгунами и рейтарами, но караван большой, на него могут и обратить внимание раньше, чем нужно. А тут такой случай — никак нельзя упустить.

Часовые отсутствовали как класс. Многие доблестные воины лежали там, где их сразил Бахус. Другие смогли добраться до домов, откуда выгнали хозяев. Местные, те, что не успели сбежать, ютились по хлевам. Они первыми заметили наше появление, но Клим сказал им несколько слов, и те не возникали. Я, грешным делом, думал, что захотят поквитаться с

обидчиками, но нет. Хранили нейтралитет — видать, при-
выкли.

Первыми попадали под раздачу те, кто на улице. Здраво рассудив, что важные паны спят по домам, а те, кто снаружи, проходят по списку как шелупонь, я дал отмашку. То, что пьянство вредит здоровью, известно давно. Сегодня оно приводит к летальному исходу. Пленные мне особо не нужны, то есть потрясти самого пана Завадского еще куда ни шло, но возиться с остальными — увольте! Имею опыт после памятной битвы с войском пана Одзиевского.

Трудно просыпаться с перепоя, но особенно нехорошо, если, проснувшись, обнаруживаешь, что руки связаны, а вокруг ходят суровые люди, которые вовсе не собираются тебя похмелять. Да что там похмелять — хоть бы водички дали! Пан Завадский и его сын стояли на коленях со связанными за спиной руками посреди двора и угрюмо озирались. Вокруг суета, местные складывали на телеги тела их менее удачливых сотоварищей, уже освобожденных от излишней одежды. Их я приказал закопать где-нибудь в лесу. Среди убитых и племянник пана: он и еще пара человек были несколько трезвее прочих и попробовали схватиться за сабли. Понаблюдав за Завадским, я понял, что выкуп меня в данной ситуации не интересует. В глазах пана сквозит ненависть, а лишний кровник мне ни к чему. К тому же вряд ли у него есть что-то помимо того, что я уже взял. А еще, посмотрев на замордованных до последней крайности местных жителей, особенно женщин, сочувствия к пану и его отродью я не испытывал ни малейшего. Надо было сразу кончать, легче на душе было бы, ну да чего теперь. Впрочем, изо всего надо стараться извлечь пользу. Почему бы не перессорить поляков и местных. По моему знаку Завадских потащили к одиноко стоящему дереву и стали пристраивать к сучьям веревки.

— Скажи мне хоть свое имя, негодяй! — выкрикнул связанный пан, сидя на коне с петлей на шее.

— В аду у чертей спросите, любезнейший, я им в последнее время регулярно всякую мразоту отправляю, так что они в курсе, — ответил я и махнул рукой.

Коноводы повели коней под уздцы, и приговоренные, лишившись опоры, начали дергаться в петлях. Теперь на грудь им повесили сочиненную тут же бумагу на немецком, в кото-

рой высокопарным слогом написано, что Завадские приговорены советом баронов (только что придумал) за учиненные ими насилия над местными жителями. Пусть воевода голову поломает.

На следующий день, дождавшись прибытия своих людей, мы оседлали коней и отправились в рейд. Теперь у меня сотня хорошо вооруженных всадников, и горе тем, кто осмелится встать на моем пути!

Первым делом наведалься в Дерпт. От пленных знал, что у местного воеводы в настоящий момент едва две сотни ратников под началом, в основном немецких наемников. Стража несла свою службу более-менее исправно, однако принимала нас сначала за людей Завадского, а потом уже поздно. Прорвавшись в ворота и подпалив предместья, мы навели шороху. Пан воевода, на свою беду узнав, что прибыл Завадский, отправился к воротам, желая, очевидно, крепко облаять негодя с башни, прежде чем отказаться пустить в город, и попался нам одним из первых. Делать ему было нечего, и он счел за благо капитулировать. Сильно поживиться не удалось, ибо городская казна была пустой, но какую-никакую контрибуцию я все же стяж. Можно было переманить к себе наемных солдат, тем более что жалованья они уже год не видели, но, посмотрев на сих доблестных вояк, я рассудил за благо этого не делать. Подорвав на прощанье пороховой склад и подпалив городской арсенал, я со своим отрядом отбыл восвояси. Разорив еще несколько мыз и наведя как можно больше шороху, моя банда растворилась в местных лесах и материализовалась уже в районе Нарвы. Увы, мызу Алатскиви я так и не посетил. Разорять почти свою собственность мне разумным не показалось, а наводить на след польскую администрацию не хотелось. Да-да, я и мои люди всячески скрывали, кто мы на самом деле, — пусть лучше думают, что какая-то банда мародеров вконец распоясалась. Рано или поздно, конечно, это безобразие со мной свяжут, но уж лучше поздно.

Потешив душеньку разбоем, я, следуя давно полученным указаниям, направился со всем своим героическим полком в Новгород. Ну да, разбоем, а как еще прикажете назвать мой рейд по тылам противника? Чем я по большому счету лучше

покойного Завадского? Разве тем, что насилий мои архаровцы меньше совершили да рейд был все же по тылам противника, а не своим, как у покойного пана.

В Новгород я вступил довольно торжественно. Делаярди, в отличие от бургомистра Нарвы, по-видимому, проникся моим титулом и родством с правящей династией и встретил по высшему разряду. Даже колокола звонили, уж и не знаю, как он с митрополитом Исидором договорился. Отобедав с дороги, я в сопровождении своих ближников и приставленного ко мне Якобом Делаярди адъютанта отправился осматривать местные достопримечательности. Адъютанта звали Брюс Мак-Кормак, и по происхождению он был шотландцем. Добродушный и рослый здоровяк, он с удовольствием посвятил меня в здешние расклады. Руководил городом непосредственно сам Делаярди, однако русская администрация во главе с воеводой князем Одоевским не была распущена. Одоевского трудно было назвать лояльным к шведам, поскольку он все в свое время сделал, чтобы не пустить их в город. И если бы не предательство Бутурлина, ему бы это вполне удалось. Впрочем, на прямую конфронтацию князь не шел. Митрополит Исидор, как и полагается православному иерарху, также на шведов смотрел косо.

— И что же, никто из новгородцев не хочет видеть своим государем Карла Филипа? — спросил я словоохотливого Мак-Кормака.

— Кто их разберет этих новгородцев! — засмеялся офицер. — Во всяком случае, они рады ему не больше, чем в Шотландии рады Якову Стюарту.

— А это еще что за Маклауд из клана Маклаудов? — вырвалось у меня, когда я заметил шотландца, лежащего почти посреди дороги и, очевидно, пьяного. Национальную принадлежность было нетрудно угадать по пледу и берету.

— О нет, что вы, этот парень не из Маклаудов, у их пледов совсем другие цвета, — тут же отозвался Мак-Кормак. — Я знаю его, это Джон Лермонт, он конный лучник.

— Конный лучник! И где же его лонгбоу?¹

— Увы, мой добрый герцог, для настоящего лонгбоу нужен тис, а он не растет в здешних местах. У нас, в стране вереска, он, впрочем, тоже не растет. Поэтому у нас мало хороших луч-

¹ Английский длинный лук.

ников, это чертовы англичане торгуют со всем светом и могут закупать тис. Поэтому у них много лучников, хотя лучшие стрелки все же валлийцы.

— А это что у него, волынка?

— О да, Джон славно играет на волынке, а еще он слывет бардом и сочиняет баллады!

— Ну надо же, у вас тут еще и поэты есть! И каков он как поэт?

— Честно говоря, так себе, — засмеялся адъютант. — Волыщик из него получше будет.

— Это кто тут сомневается в моем поэтическом даре! — заревел во весь голос некстати проснувшийся Лермонт. — Я вызываю этого негодяя!

Только что беспробудно спавший конный лучник резво выхватил здоровенный клеймор¹ и, похоже, собирался атаковать. Я как в замедленной съемке вижу, как Кароль вынимает из седельной кобуры пистолет, и вдруг в голову молоточком стучит мысль: «Лермонт, Лермонт...» Блин, это же предок Михаила Юрьевича!

— Эй, Кароль, отставить! — вскричал я и обратился к обиженному до глубины души поэту: — Мой добрый друг, я вовсе не хотел обидеть вас, но, уж коли вызов сделан, я принимаю его. Однако, поскольку вызвали меня, я имею право на выбор оружия, не так ли?

— Дорогой сэръ, вы выглядите как благородный человек, и, очевидно, то, что вы сказали, справедливо. Склоняюсь перед вашей мудростью! — пьяно помотав головой, заявил предок великого русского поэта.

— Отлично, коль скоро спор зашел о поэзии, то ее я и выбираю для поединка!

— Н... не понял...

— Друг мой, завтра утром в присутствии всех этих джентльменов мы с вами поочередно исполним по балладе. Кто сделает это лучше, тот и победит. А эти досточтимые господа будут арбитрами. Вы готовы вынести на их суд свое сочинение?

Озадаченный поэт некоторое время хлопал глазами, но, как видно, мысль выступить перед большой аудиторией пришла ему по вкусу, и он согласился.

¹ Шотландский двуручный меч.

Рано утром за городом собралась большая толпа шотландцев. Даже не думал, что их столько в шведской армии. Джон Лермонт, на удивление трезвый, вышел из толпы и приветствовал меня со всем возможным почтением. Видимо, ему объяснили, кого именно он пытался вызвать по пьяни на поединок. Бросили жребий, и первому выпало петь шотландцу. Выйдя вперед, он поклонился собравшейся публике и довольно хорошим голосом завел песню. Не могу судить о ее достоинствах, поскольку не силен в гэльском наречии, но публика восторженно приветствовала своего поэта.

Потом пришла моя очередь. Я, взяв в руки свою гитару, взял несколько аккордов, и вдруг на меня накатило видение из моего прошлого-будущего...

Я и раньше слышал эту песню. Ее иной раз исполняли наши доморощенные гитаристы, однако особого впечатления она на меня не произвела. Но однажды Алена вместо модного клуба затащила меня на какую-то фолк-вечеринку. Там играла незнакомая мне группа, использовавшая помимо привычных гитар достаточно редкие инструменты вроде ирландской волынки и арфы. Но поразила меня не столько их игра, сколько пение солистки. Это было так здорово, так не похоже на все, что я слышал до сих пор, что я стоял как замороженный. Хотелось слушать и слушать эту необычную девушку. Или пойти на край света и убить какого-нибудь дракона в ее честь, и хрен с ним, что все драконы давно в Красной книге. Если бы я не был влюблен тогда в Алену, я бы, наверное, не устоял перед ее чарами. Да, в общем, и не устоял, и ее волшебное пение долго звучало у меня в голове. Не знаю почему, но тогда я не узнал, как ее зовут, лишь много позже мне стало известно ее имя, такое же прекрасное и таинственное, как и ее пение. Хелависа, или Наташа О'Шейн.

Оказавшись женихом шведской принцессы, я хотел было поразить ее своим музыкальным талантом. Песен я знал немного, и все, как вы понимаете, на русском. Пробовал перевести на немецкий — не легла, шведского я вообще не знаю, а вот в переводе на английский, как ни странно, что-то получилось. Принцессе я ее, впрочем, так и не спел, так что сегодня должна быть премьера.

Я глубоко вздохнул и, закрыв глаза, представил себе сказочную страну с зеленой, как изумруд, травой и журчащими,

как серебряные колокольчики, ручьями. И над головами присутствующих поплыли слова песни группы «Мельница»...

Мое пение, да еще на ненавистном им английском языке, шотландцы встретили настороженно, однако примерно со второго куплета их насупленные лица стали разглаживаться, а уж услышав про пьющую Шотландию, благодарные слушатели разразились приветственными криками и принялись подпевать. Похоже, песня им понравилась. А я, понизив голос, закончил словами про то, как пьет российский народ.

А потом грянул с новой силой, заполняя звонким голосом пространство:

Пусть буду я вечно больным.
И вечно хмельным!

Из толпы горцев выступил Джон Лермонт и с поклоном заявил:

— Вы прекрасный поэт, ваше королевское высочество, пожалуй, после такого поражения я брошу занятия поэзией.

— Что вы, друг мой, ни в коем случае не делайте так, напротив — продолжайте свои занятия. Скажу вам больше: постарайтесь привить страсть к сочинительству вашим детям. И кто знает, может, ваши потомки прославят род Лермонтов не только как храбрые солдаты, но и как искусные поэты.

Наладив хорошие отношения с шотландцами, составляющими значительную часть шведских войск, я решил, что пора бы подружиться и с русскими властями. Как я уже говорил, власть эту в Новгороде представлял воевода князь Одоевский Иван Никитич, имевший прозвище Большой. Вот к нему я и отправился в гости, взяв с собой неразлучных Лелика с Боликом и Аникиту. Якоб Делагарди предупреждал меня, что князь-воевода держится русских обычаев и принимает гостей «совершенно варварски», но испугать ему меня не удалось.

Если князь и удивился моему визиту, то виду не подал. Встретил на крыльце с приличествующей обстоятельством помпой. Княгиня, нестарая еще женщина с румяным лицом, с поклоном подала мне ковш «испить с дороги». Я, грешным делом, опасался, что поднесут мне тройной перцовой, но, по-видимому, это было, точнее будет, фишкой Петра Великого. В ковше был квас, причем довольно ядреный. Кстати, по

словам Аникиты, с которым я предварительно немного проконсультировался, почетным гостям подносят мед или заморское вино, но князь, видимо, таким образом выражал фронду. Но не тут-то было — не знаю, как прочие иноземцы, а я выпил квасу с удовольствием и поблагодарил княгиню. Как говорят московские бояре, я представлял себе довольно слабо, но как-то само собой у меня вырвалось в совершенно шолоховском стиле:

— Спаси тебя Христос, княгинюшка, знатный у тебя квас.

Наверное, если бы я станцевал вприсядку, исполняя при этом Ave Maria, княгиня удивилась бы меньше. На заросшем густой бородой лице князя эмоции выражались слабее, но, похоже, он также проникся. Нас пригласили в горницу, усадили на почетное место и стали потчевать. Закуски слуги натащили на хорошую гулянку, но я и мои спутники молоды, да еще военные, так что возможностью пожрать на халяву нас, добрых молодцев, не испугаешь.

Начинать разговор, прежде чем гость утолит голод и жажду, верх неприличия, даже Бабе-яге в сказках всегда говорят: ты меня накорми-напои, а потом спрашивай. Так что боярин терпеливо дождался, пока четверо молодых проглотов с завидным аппетитом уничтожат разложенные на столе припасы. Наконец первый голод был утолен, и мы перешли к деловой части визита. Первым начал воевода и велеречиво и витиевато выразил удовольствие от приема в Новгороде такого дорогого и знатного гостя, которого принимали с колокольным звоном, как царскую особу.

— Ох, князь, льстишь ты мне, сирому и убогому, нешто царей где без хлеба-соли встречают?

Иван Никитич поперхнулся и посетовал, что встречал меня сам Деллагарди, а его до торжественной встречи не допустили, и, как положено в немецких землях встречать столь высородных гостей, он не ведает.

— Да я, чай, не в Неметчину приехал, чтобы меня на иноземный манер встречали, — медовым голосом пропел я боярину.

Похоже, шаблон хозяину я порвал напрочь, и он недоуменно моргал глазами. Лелик и Болик помалкивали — будь разговор на польском, они бы поняли, а так лишь с пятого на десятое. Аникита тоже молчал, лишь иногда усмехаясь в бороду.

Он уже привык, что у меня язык без костей и плести словесные кружева я могу довольно долго.

— Видишь ли, боярин, я в весьма трудном положении. Король Швеции Густав Карлович безмерно опечален нестроениями в Русской земле и, по христианскому обычаю желая помочь ближнему, послал меня разузнать, в чем причина этих нестроений и нельзя ли как-то помочь вашему горю. И вот приехал я к вам, а у меня дома жена молодая, ждет меня, печалится. Да в вотчинах своих я сколь времени не был, того и гляди лихие люди растащат добро мое без хозяйского-то пригляду!

— Так чем же я тебе помогу, князь? — оторопело спросил боярин. Очевидно, мои причитания о брошенных вотчинах нашли живое понимание в его сердце.

— Как чем, дорогой мой Иван Никитич! Правдой, только ею, родимой. Вот ты скажи мне, вы крест королевичу Карлу Филипу целовали?

— Целовали, князь, и от клятвы своей не отступим.

— Это хорошо, это просто бальзам на сердце мое израненное. И его королевскому величеству благоприятно узнать это будет, но ведь вы еще и обещались поспособствовать, чтобы его брата на царский трон в Москве возвели. А меж тем в Москве какие-то польские прошельги сидят и в ус не дуют. Того и гляди Сигизмунд королем станет и в латинство всю Русь введет.

— Не бывать тому! — неожиданно твердо и с вызовом в голосе сказал боярин. — Не бывать Жигимонту нашим царем — хоть все свои животы положим, а не допустим такого бесчестия!

— О как! А кто в Новгород приехал жителей к присяге его сыну королевичу Владиславу приводить?

— Королевича Владислава дума боярская приняла, и он обещался веру православную принять, а не исполнил того. Да и ваш шведский королевич тоже!

— Вот то-то и оно, что Семибоярщина приняла королевича Владислава, а не земля Русская. А надо бы земский собор созвать и там всей землей решить, кого звать на царство. И коли вся земля решит, что не стоять земле Русской без православного государя, так и Карл Филип православие примет, и любой иной, кого бы ни выбрали. Внял ли, боярин? Вот то-то же.

Выезжая с воеводского двора, я заметил, что в сторону митрополичьих палат побежал дворовый человек князя. Не иначе воевода решил поведать Исидору о чудном заморском герцоге, объявившемся в Русской земле. Ну-ну!

Главный храм Новгорода — это Святая София, как я слышал еще в прошлой своей жизни (смешно звучит, правда?), самый древний христианский храм, построенный славянами на нашей необъятной родине. В принципе, храм и храм, интересно посмотреть, конечно, раньше-то не довелось, но я теперь как бы лютеранин и мне не то чтобы нельзя, но надо. Тьфу, блин, совсем запутался! В общем, есть у меня дело, храм сей красоты чудной и святости превеликой интересен еще и тем, что в нем есть ворота, именуемые Сигтунскими. Сигтуна, если кто не знает, это древняя столица Швеции, и ворота сии новгородцы оттуда, как бы это помягче... увезли, короче. После набега, естественно. Неизвестно, откуда молодой шведский король Густав Адольф про это прознал, но только пришла ему в голову блажь оные ворота вернуть на историческую родину. Он озадачил этим Якоба Деллагарди, ну и меня попросил посодействовать. Причем если Якоб отнесся к поручению со всей серьезностью, то я сразу решил, что сделаю все, чтобы это мероприятие саботировать. Оно конечно, я сейчас немецкий герцог, но в прошлой-то жизни был русским. Так что хрен вам, дорогие товарищи, а не реституция культурных ценностей. Прежде всего надо ворота осмотреть самому. Ну что же, впечатляют, работа изумительная и, без сомнения, западноевропейская. Новгородские обыватели и церковные служки смотрели на меня, пока я любовался воротами, мягко говоря, неодобрительно, но помалкивали. Не, нельзя такую красоту шведам, они люди суровые, оценить так, как мы, не сумеют. На фиг, на фиг, ибо не фиг! Никакой реституции.

Вышел наружу и вновь наткнулся на толпу нищих. Вновь — потому что, когда заходил, уже видел. Вообще, немного бесит — куча профессиональных горластых бездельников выставляет напоказ свое убожество, часто и густо липовое. Ко мне, правда, особо не лезли, я для них чужеземец, враг и вообще басурманин. А это еще кто? Из толпы вышел некто совершенно безумного вида в лохмотьях, веригах и прочем. Юродивый. Так как они пользуются непрерываемым авторитетом

среди местных, и плетью его нельзя. К тому же, если верить классику, обладают даром пророчества или еще каким.

— Ваня... Ваня... — зазавывал довольно неприятным голосом.

— Чего тебе, убогий? — спросил я максимально вежливо для данной ситуации. Вот откуда он мое имя прошлое знает? Хотя как откуда — у меня и сейчас такое же.

— Ваня, дай копеечку!

— А тебе зачем? Все равно или пропнешь, или потеряешь, — ответил.

Блин, кто меня за язык тянул связываться? Дал бы медяшку — и дело с концом.

— Дай копеечку, не жадничай. Я тоже сарафан надену и в скоморохи пойду.

Чего? Или это он про мое бегство от стражи Кляйнштадта? А знает откуда?

— А потом на боярской дочке женюсь. Сам в бояре выйду. Дай копеечку, Ваня!

Твою мать!

— А потом воеводой стану.

У него что, и впрямь дар? Хотя...

— Ваня, дай копеечку, я у тебя на свадьбе погуляю.

Блин, да он дуру гонит, вон реально глаза безумные. Кинул юродивому талер.

— Молись за меня, юродивый. — Если он сейчас про царя Ирода что-то скажет, не посмотрю, что место святое!

— Помолюсь, помолюсь, батюшка.

В безумных только что глазах уже подобострастие и радость от удачного развода.

Тьфу, пропасть, чуть не уверовал с перепугу. Нет, так можно и в дурку загреметь, хотя с учетом того, что я второй год в чужом теле, мне там самое место.

Меж тем окружающие смотрели на происходящее с таким пиететом, как будто если не сам Христос спустился в компании ангелов, то как минимум один из апостолов. Я собрался отправиться домой, если можно так назвать выделенный мне под проживание большой бревенчатый терем, но внимание окружающих привлекло появление митрополита. Люди вокруг при виде митрополичьей процессии опустили на колени, прося благословения, и только я стоял... как дурак. Что-то надо было делать, Исидор, как ни крути, князь церкви и очень

большой духовный авторитет. Я не нашел ничего лучше, чем, сняв шляпу, отвесить поклон, какой был бы приличен лицу, равному мне по положению. Вид, наверное, при этом был у меня преглупым, а среди народа послышался шепоток: «Ишь как басурманина от ладана-то корежит!» Аут, приехали, зовите экзорциста, блин! Митрополит задержался на мне глазами и, неожиданно благословив меня, ушел, пока я хлопал глазами. Но, видимо, он со мной не закончил, и ко мне мелким шагом подошел служка неопределенного возраста и тихо, на хорошем немецком языке сказал:

— Ваше королевское высочество, его преосвященство просит вас удостоить его визитом и беседой.

Я пошел за ним, слыша за спиной перешептывания прихожан. Наконец мне это надоело, и я, обернувшись, поднял вверх руку и замогильным голосом провозгласил:

— Вот что крест животворящий делает!

Позвавший меня на беседу митрополит Исидор человек непростой. Бывший прежде игуменом Соловецкого монастыря, он сначала приводил войска к присяге Федору Годунову, а через два года венчал на царство Василия Шуйского. Именно он был инициатором договора со шведами, но он же руководил обороной города от них, когда понял, что шведы хотят под шумок захватить Новгород. И хорошо, надо сказать, руководил: если бы не Васька Бутурлин, Деллагарди до сих пор под стенами топтался бы.

Смотрел строго, как будто сверлил глазами. Ну, этим меня не проймешь, я стоял, как послушник перед патриархом, глазки потупил, вся фигура выражала смирение, хоть пиши с меня кающегося грешника. Наконец Исидор прервал молчание:

— Откуда ты ведаешь наш язык, иноземец?

— Я знаю много языков, ваше преосвященство. Ваш ничем не лучше и не хуже других.

— Ты говоришь на нем не так, как мы, но так, будто он для тебя родной. Но это ладно. Чего ты, иноземец, от нас хочешь?

— Меня послал его величество король Густав...

— Это ты Одоевскому рассказывать будешь, — перебил меня митрополит. — Зачем тебя послал свейский король, я ведаю, я спрашиваю: чего тебе надобно? Почто ты смущаешь души христианские? Зачем смуту сеешь?

— Я смуту сею? — возмутился я. — Да вы, батюшка, с этим и без меня хорошо справляетесь! Сегодня одному царю крест

целуете, завтра другому, то поляков зовете, то шведов. Даром что Третий Рим!

— Ко мне надобно обращаться не «батюшка», а «владыко», — наставительно произнес явно обескураженный моим напором Исидор. — Кто ты такой, чтобы судить нас? Разгневали мы, видно, Господа нашего, что послал он смуту на Русь святую. Сколь годов длится Смута, отчаяние владеет умами, и нетверд народ в вере.

— Ничего, недолго осталось, — ответил я ему. — Вот выгонят ополченцы поляков из Москвы — выберете себе нового царя, ну и заживете по-старому. Не сразу, конечно, но заживете.

— Откуда знаешь сие?

— Откуда, откуда, от... знаю, короче! И знаю, что на Господа ты, владыко, напраслину возводишь, не он виноват в ваших бедах, а вы сами.

— И кого на престол выберут, уж не королевича ли Карла?

— Да куда там! Оно, может, и неплохо было бы, да вам же «природного государя» подавай! Вот и выберете себе на голову...

— Говори!

— Чего говорить? Кого царем выберете? Мишу Романова, кого же еще!

— Сына Федора Никитича? — задумчиво протянул митрополит. — Он царю Федору Иоанновичу племянник...

— Во-во, а батюшка его патриарх Тушинский патриархом всяя Руси станет, то-то заживете!

— Патриархом? Однако! А как к тому свейский король отнесется?

— Как — не знаю, врать не стану, но одно скажу тебе, владыко: король Густав Адольф был бы рад видеть московским царем своего брата. Однако если московским царем не окажется избран король Сигизмунд или его сын, он будет рад ничуть не меньше. Так что кого бы вы ни выбрали, король Густав Адольф его признает, ибо добрые отношения между Русью и Швецией выгодны обоим государствам.

— А вернет ли он Новгород, если...

— Все в руке божией, ваше преосвященство!

Вечером ко мне подошел Клим.

— Ваше королевское высочество, — торопливо зашептал он мне на ухо. — Непокойно в рейтарской роте.

— Чего так?

— Да кто-то воду мутит, подзуживает их уйти к Ляпунову поляков бить.

— Ну а что, дело хорошее. А кто собирается, неужто все?

— Да хотят-то все, только некоторые опасаются. Оне ведь крест целовали вам на службу. Анисим со стрельцами и казаки на том бы не стали, но Аникита говорит, уйти так бесчестие будет. И рейтары, что из дворян и детей боярских, с ним согласны.

— Эва как! А ты откуда знаешь, неужто с собой звали?

— Да нет, ваше высочество, отрезанный я ломоть, подслушал ненароком.

— Понятно, ну да утро вечера мудренее, вели назавтра с утра лошадей седлать всем конным. И то сказать — застоялись люди без дела, вот и лезет в голову всякое непотребное. Да пусть припасов с собой возьмут хоть на неделю.

— Будет исполнено, ваше высочество. Осмелюсь спросить: в набег пойдем или как?

— Там видно будет.

Наутро вся моя конная рать двинулась из Новгорода. Вся — это русские рейтары, мекленбургские кирасиры и мои драбанты-драгуны. Ну и стрельцы до кучи. Шли по-татарски, без обозов, одвуконь, плюс еще одна лошадь с вьюками. Так уж совпало, что Делаярди сам рассказал мне накануне о некоей шайке разбойников, свирепствовавшей в шестидесяти верстах от города, и я не мудрствуя лукаво сообщил ему, что собираюсь заняться этой проблемой. Не то чтобы я сильно беспокоился о криминогенной обстановке, но встряску своим сделать надо, чтобы жиром не заплывали, да и поголовье разбойников подсократить — дело по-любому богоугодное.

К концу второго дня мы встали на дневку. Еще прежде, отправив казаков в разведку, мы остановились в небольшом леске, ожидая результатов. Казаки воротились под утро и поведали следующее. В нескольких верстах от нашей дневки есть довольно богатая некогда усадьба, в которой явно творится что-то неладное. Судя по всему, занял ее какой-то кавалерийский отряд и усердно занимается грабежом окрестного населения. Кто такие эти грабители, казаки не поняли, но чтобы их не могли обвинить в ненадлежащем выполнении своих обязанностей, притащили языка.

— Ну что же, давайте сюда болезного, посмотрим, что за фрукт, — объявил я, выслушав доклад.

Казаки не заставили себя ждать и живо приволокли связанного парня.

— Развяжите его, — приказал я и, дождавшись выполнения, спросил: — Ты кто, лишенец?

— Ка-казак, — заикаясь, провозгласил пойманный.

Услышав это заявление, мои подчиненные засмеялись: больно уж негеройский вид был у парня. В глазах страх, волосы, подстриженные под горшок, растрепаны. Одет в какой-то немисливо испачканный жупан с чужого плеча и рваные шаровары.

— И откуда ты такой красивый взялся? — ласково поинтересовался Аникита.

— Пан, не извольте гневаться, пан, — жалостливо произнес обормот на языке, который впоследствии станет украинским.

В ходе допроса выяснилось, что это недоразумение никакой не казак, а вовсе даже посполитый крестьянин, присоединившийся к казакам в надежде пограбить. Таких в отряде сотника Шила, почитай, половина, остальные вроде все же казаки. На вопрос, чего их принесло сюда, он не ответил, ибо не знал, но догадаться нетрудно. Под знаменами короля Сигизмунда, хочешь — не хочешь, придется воевать, а львиная доля добычи, как ни крути, достанется знатым панам. А селян грабить и риска меньше, и добыча в один котел. Так что пан сотник рассудил за благо предпринять квест в Северную Русь. Как говорят в таких случаях донцы, «за зипунами». В принципе, дело житейское, все наемники при случае так делают. Ну а этим просто не повезло — мне попались.

Однако усадьба, ставшая штаб-квартирой мародеров (а слова-то такого еще и нет, я интересовался¹), довольно удобна для обороны. Стоит на возвышенности, окружена тыном. Боярский терем и службы сложены из бревен, с наскока не взять, а людей терять не хочется. Кроме того, сотник свое дело знает, и караулы у него не спят. Как нас до сих пор не заметили, просто чудо. Казаки, как ни странно, на конях войны так себе, вроде татар — налететь пограбить, не более того. Но в отличие от татар крепки в обороне, если засядут в вагенбур-

¹ Капитан Мародер «прославит» себя в Тридцатилетней войне (1618–1648).

ге — их оттуда без артиллерии не выкурить. А тут и вагенбурга не надо — вон целый острог заняли, — поэтому действовать будем так...

Когда на следующий день разбойники очередной раз отравились на свой промысел, они неожиданно напоролись на небольшой отряд мушкетеров и стрельцов, идущий по дороге к их базе. Подивившись странному сочетанию шведской и русской пехоты, воровские казаки попытались отогнать врагов подальше, но не тут-то было. Пехота тут же перестроилась и лупанула залпом в противника. Попытка атаковать с другой стороны кончилась тем же. Несмотря на все попытки отвлечь их, пехотинцы стойко продолжали продвигаться вперед, и, если так пойдет дальше, скоро, чего доброго, достигнут усадьбы. Поразмыслив над складывающейся ситуацией, сотник рассудил, что лучше журавль в небе, чем утка под кроватью, и, оставив большую часть своего отряда отвлекать настырных пехотинцев, с остальной частью вернулся в свой импровизированный острог, решив озаботиться спасением награбленного. В самом деле, конницы у врагов не видать, а пехота их не догонит. Но как только небольшая вереница возов и вьючных лошадей выкатилась из ворот усадьбы, предварительно подпалив ее, на гарцевавших вокруг моих спешенных драгун (а пехотой были именно они со стрельцами) с двух сторон навалились кирасиры и рейтары. Окажись они в чистом поле да на свежих конях, бездеспешные казаки, может, и ушли бы, но мои латники, сдавив с двух сторон, заставили их принять бой. Тем временем оставшиеся драгуны во главе со мной окружили обоз и, не тратя времени на переговоры, начали отстрел противника. Разгром был полным, небольшая часть разбойников ушла, остальные, поняв, что оказались в безвыходном положении, бросили оружие. Приказав вязать пленных, я, бегло осмотрев захваченный обоз, pokrивил губы. Крохоборы: если не считать небольшого количества пушнины, ничего ценного. Хватали все подряд, по принципу «в хозяйстве все сгодится». Ну что же, сходили, развеялись, пора и честь знать, идем обратно.

В авангарде нашего воинства, возвращающегося с победой, шли кирасиры. Следом, гоня пленных и захваченный обоз (не пропадать же добру), шли драгуны. Замыкали стрельцы и рейтары. Качаясь в седле рядом с Анисимом и Аникитой, я неожиданно спросил:

— А помнишь, боярский сын, о чем мы уговаривались, когда я тебя на службу брал?

— О чем, княже?

— Что я тебя на православных в бой не поведу.

— Да какие же то православные, тати они и есть тати, — скривился сотник моих рейтар.

— Так-то оно так, да слово дадено — что пуля стреляна, нарушил я свое слово! — вздыхая, продолжил я.

Аникита не мог понять, куда я клоню, а вот Анисим, кажется, начал понимать.

— Это выходит, герцог-батюшка, мы тебе вроде как ничего и не должны?

— Выходит-выходит, — ответил. — Ты мне вот что скажи, пушкарь, Аникита — с ним все понятно, служилый человек, а тебе что на Москве медом намазано? Ты-то чего туда рвешься?

— Да как тебе сказать, герцог-батюшка, жена у меня там, родина опять же.

— Родина... ну если родина, то какого хрена вы мнетесь, ровно девка перед сеновалом? Надумали уйти — лучшего момента не будет. Я скажу — мол, вдогон за татями ушли. А не вернулись — так кто знает, что приключилось-то? Война — она не тетка!

— Выходит, княже, ты нас отпускаешь? — недоверчиво протянул Аникита.

— Все одно разбежитесь, паразиты, а так, может, хоть толк будет. Только если идете, то идите все вместе. Кое-чему я вас с божьей помощью все-таки научил, и все вместе вы чего-то стоите, а по одному вас даже такие олухи, что впереди связанные идут, повяжут. И к Ляпунову вам без надобности. Идите в Нижний Новгород, к земскому старосте Минину или к князю Пожарскому. Кланяйтесь им от меня.

— Земскому старосте кланяться?

— Ох, Аникитушка! Сегодня староста, а завтра, глядишь, в боярской думе сидеть будет. Ну, ступайте с богом, пока не передумал!

— Ты это, герцог-батюшка! — помялся стрелецкий полусотник. — Не поминай лихом!

— Да ступайте уже, обормоты!

Когда рейтары и стрельцы, поворотив коней, скрылись из виду, я спросил у Рюмина:

— Клим, а ты чего с ними не пошел?

— Мой герцог, почему я должен был пойти с ними? — спросил он меня удивленно.

— Ты знаешь, Аникита мне еще после Кальмарской резни рассказал, что у его отца был товарищ, Патрикей Рюмин. И сгинул этот его товарищ как раз в походе на Ревель. То было при Иване Васильевиче. А еще он сказал, что у посадских фамилий не бывает, все больше прозвища. И уж такое прозвище — Рюмин — у простого человека вряд ли когда случится. Вот я и думаю: а не Патрикеевич ли ты?

Рюмин промолчал какое-то время, а потом, как-то странно посмотрев на меня, спросил:

— А ты чего не пошел?

— Карлушка, ты дурак совсем? Куда я пойду, у меня вон герцогство, жена принцесса, на кого я это все брошу!

— А у меня — ты, твое высочество, на кого я тебя брошу, такого хозяйственного.

— Ладно, поехали, а то отстали... Слушай, Клим, у тебя это, выпить есть? Не, этого не буду, как вернемся в Новгород, у шотландцев достань виски. Точно знаю, они делают, обормоты.

Чтобы пропажа русского регимента не сразу бросилась в глаза, я развил бурную деятельность. Вывел пехоту из Новгорода и в последние более-менее погожие деньки посвятил их боевому слаживанию с конницей и артиллерией. Все-таки будь тогда на месте хоругвей пана Одзиевского настоящие крылатые гусары — нам бы туго пришлось. А посему повторение — мать учения. Усердно тренируемся в марше, перестроениях и залповой стрельбе. Учимся поддерживать конницу огнем мушкетеров, а мушкетеров прикрывать кавалерией. Кроме того, по настоянию Ван Дейка всячески тренируемся в инженерных работах, ставим острожки и вагенбурги. Вообще-то для этих целей должны быть вспомогательные части вроде русской «посохи», но немцев тут нет, а русские ко мне не идут. Я пытался завербовать некоторое количество местных жителей, но — увы, басурманин я, и все тут.

Хотя не все так просто: история с юродивым, о коей я успел позабыть, получила неожиданное продолжение. Недавно Клим со смехом рассказал мне, что слышал на рынке, будто заморский королевич (то бишь я) вызвал на теологический диспут местных святых старцев и совсем было их победил, но

пришел юридивый (и все опошил) и пристыдил заморского королевича, отчего тот со слезами на глазах обещался отречься от латинства и пойти босиком в паломничество. Да ладно бы в Иерусалим, а то ведь на Соловки — поклониться Зосиме и Савватию. Я вот думаю, если эти слухи дойдут до моей благоверной принцессы Катарины и ее брата — что они со мной сделают?

Делагарди иногда посещал учения, смотрел внимательно, но не вмешивался. Другим шведам, и тем более наемникам, это неинтересно. Ну, как бы не больно и хотелось.

Залетные разбойники атамана Шила были не единственными татями в этих краях. Голод и последующая Смута сорвали с места множество народу, и немалое количество из них взялось за кистени. Купцы по дорогам могли путешествовать только с большой охраной, да и та не давала никакой гарантии. Торговля хирела, хирел и Новгород. Покончить с этими разбойниками было задачей куда более хитрой, нежели с залетной бандой. Тем более что многие были просто местными жителями. Убрал такой крестьянин кистень подальше — и все, он не тать, а простой пейзаин. Стоит, кланяется, как китайский болванчик, и купи его за рупь двадцать! Ну да нет таких крепостей, которых не брали бы... мекленбургские герцоги!

По реке плывет, но не уют и не из села Кукуева, а ладья из Новгорода. Судно, судя по осадке, груженное, и, возможно, чем-то ценным. Людей на ладье немного, да и выглядят они отнюдь не богатырями, так что когда неопытный кормчий ненароком посадил ладью на мель, снять ее своими силами у них не получилось. Помаявшись, бедолаги отправились искать помощь, каковую и нашли в ближайшем селе. Пока незадачливые купцы и их приказчики совместно с местными крестьянами разгружали ладью, пока сняли облегченное судно с мели, день и закончился. Чин по чину расплатившись с помощниками и уговорившись на завтрашнюю погрузку, корабельщики завалились спать. Нет, часовых, знамо дело, поставили, как же без них, время-то какое беспокойное. Однако умаявшихся за день работяг на всю ночь не хватило, и под утро и они провалились в сладкий сон. Так и спали бы незадачливые путешественники, да разбудили их лихие люди, едва поднялось осеннее солнышко. Крестьяне, помогавшие давеча

разгружать ладью, заявили на этот раз людно, конно и оружно. В смысле — на телегах и со всяческим дубьем в руках. Огнестрела ни у кого видно не было. Несколько человек было вооружено получше других. На головах шишаки, на поясах сабли, одеты в тегиляй¹, прочие же простые селяне только с дубинами и рогатинами в руках.

— Эй, болезные! — заорал один из хорошо вооруженных татей — видимо, главарь. — Ну-ка поднимайтесь да грузите ваше добро на телеги!

— Ну вот видишь, Клим, — шепнул я Рюмину. — Я же тебе говорил, что тати здесь живут, а ты — «селяне, селяне»!

Клим, вздохнув, обратился к душегубам плаксивым голосом:

— Ох вы, окаянные, да как же вас земля носит!

Рядовые разбойники тем временем пинками поднимали остальных членов нашей экспедиции. Один из них, желая, очевидно, выслужиться, подскочил к Климу, чтобы ударить его. Но не тут-то было: ловкий колыванец, увернувшись от кулака, подставил татю подножку. Тот неловко грохнулся на песок и тут же, получив под ребра пинок, затих. А это что? Один из разбойников потянул из-за спины лук, — а вот этого нам не надо! Расстояние для допельфастера² далековато, но сегодня удача на моей стороне, и тяжелая пуля попала в лук, расщепив его и вывернув руку незадачливому стрелку. Мои люди также прекратили изображать статистов и, выхватив ножи и пистолеты, уложили татей мордой в прибрежный песок. Некоторые попытались бежать, но со стороны деревни, рассыпавшись цепью, уже скакали мои драбанты.

— Эй, бестолковые! — крикнул я главарям разбойников. — Ну-ка бросайте свою хурду на землю! Да поживее, а то я злой, когда не выплусь, — ведь всю ночь вас, душегубов, караулил.

Через несколько минут все было кончено. Незадачливые разбойники повязаны, почти не оказав сопротивления.

— Чего с татями делать будем, ваше высочество? — спросил Клим.

— Вообще-то местный обычай достаточно суров. Провинившихся в такого рода преступлениях без долгих разбира-

¹ Тегиляй — самый дешевый доспех в Московской Руси. Простеганный в несколько слоев кафтан, иногда с нашитыми металлическими пластинами.

² Допельфастера — двустольный колесцовый пистолет. Любимое оружие немецких рейтар.

тельств развешивают на окрестных деревьях. Так сказать, в назидание. Но я же не изверг какой! Этих, что вооружены лучше, вязать и в ладью. И этого обормота заодно, что на тебя кинулся, — скомандовал я. — Прочим сделать кроткое внушение, дабы больше не грешили, да и отпустить по домам. Ну и посесть, как же без этого.

— Посесть? Так мы профоса¹-то с собой не брали, — озадаченно почесал репу Клим.

— Тыфу ты, нашел проблему: раздели селян пополам — и пусть одна половина выдерет другую, потом поменяются. А кто не согласен — в Новгород, в разбойный приказ, пусть с ними Одоевский разбирается. Да побыстрее, возвращаться надо, не ровен час, дожди зарядят, будем по грязи телепаться.

Едва я со своим отрядом вернулся в Новгород, мне сообщили, что встречи со мной ждет Делаярди. Пришлось сразу же переодеваться. В рейдах, чтобы выглядеть купцом, я одевался в местное платье. Но вот зипун, косоворотка и порты уступили место камзолу и бархатным кюлотам на французский манер. Теперь великий герцог готов принять своего непосредственного руководителя. Именно так: Делаярди — мой номинальный начальник. Впрочем, он прекрасно понимает, что германский фюрст и королевский зять большая величина, и потому ведет себя крайне корректно.

— Заходите, друг мой! — радушно пригласил я генерала. — Мой дом — ваш дом, я всегда рад вас видеть.

— Почтительно приветствую ваше королевское высочество! — склонился Делаярди.

— Ах, оставьте эти несносные церемонии! Какие новости?

— Я, собственно, поэтому и прибыл к вам с визитом. Пришло послание от короля, и вот еще.

С этими словами генерал подал мне довольно увесистый свиток. Посмотрел на печать — ого, любезная моя Катерина Карловна прислала письмо пропадающему на войне муженьку.

— Что пишет король?

— Читайте сами, — ответил генерал и подал еще один свиток.

¹ Профос — должность армейского палача.

Эх, как же мне не хватает малыша Мэнни! Продираюсь глазами сквозь вязь готических букв. Ага. Король доволен и выражает нам свое благоволение. И вас тем же концом и по тому же месту, ваше величество! Ага, мирный договор с датчанами почти подписан, они, правда, хотят контрибуции, но Аксель не уступает. Правильно делает, работа у него такая! А вообще *gabano picanto*¹ королю Кристиану, а не контрибуцию! Перетопчется кузен, не маленький. Что еще? Ага, не дают Густаву Адольфу покоя Сигтунские ворота. Вот сними их и положи ему на тарелочку!

— Что вы об этом думаете? — спросил Деллагарди.

— Что тут скажешь, если вы хотите вызвать бунт, то лучше повода не придумаешь, — недолго думая ответил я.

— Я тоже так думаю, но что ответить королю?

— Да так и ответьте: не время, мол. Вот еще немного, все успокоится, а там, глядишь, король вызовет вас ко двору — и это станет заботой вашего преемника, а не вашей.

— Вы полагаете, меня отзовут? — заинтересованно спросил генерал.

— Ну, когда это точно случится, я вам сказать не могу, но его величество собирается реформировать армию, а вы, по его словам, лучший шведский военачальник. Так что вам и карты в руки.

— Карты? — озадаченно переспросил Якоб.

Тыфу ты черт! К картам европейцы еще не прирастились, по крайней мере шведы. А вот у англичан, говорят, при дворе картами не брезгают даже дамы. Впрочем, генерал, кажется, понял мою мысль.

— Ваше королевское высочество, все хочу у вас спросить, — перевел Деллагарди разговор в другую плоскость.

— Спрашивайте, друг мой, сделайте одолжение.

— Зачем вам это нужно?

— Что вы имеет в виду? — недоуменно ответил я вопросом на вопрос.

— Вашу охоту на местных разбойников.

— Ах вот вы про что! Ну, на это есть сорок причин. Во-первых, мне скучно!

¹ хрен (*лат.*).

— Остальных причин можете не называть, — засмеялся Якоб, которому я уже как-то рассказывал байку о Ходже Насреддине. — А если серьезно?

— А я серьезно. Мне действительно нечем заняться. Я с гораздо большим удовольствием проводил бы время со своей молодой супругой. Мы женаты так недавно, что просто не успели надоесть друг другу. Я мог бы заняться своими землями в Германии, да мало ли чем еще. Кроме того, разбойники, и вам это известно не хуже меня, превратились в настоящий бич здешних мест. И то, что шведская власть в моем лице борется с ними, весьма положительно воспринимается местными жителями. Кроме того, разве вы не обратили внимания, что наш любезный князь Одоевский в последнее время сильно занят? Многоуважаемый Иван Никитич по уши завяз в разбойном приказе, занимаясь расследованием и судом татей, которых я ему так регулярно поставляю. Так что времени и сил на то, чтобы втыкать вам палки в колеса, у него просто не остается.

— Пожалуй, вы правы, — хмыкнул генерал. — А что он делает с этими, как вы сказали, да-да, с татями?

— Вопрос интересный, поскольку публичных казней давно не было (я ведь ничего не пропустил?), либо разбойники становятся холопами любезнейшего Ивана Никитича, либо... Либо они просто не пережили следствия. Кнут и дыба доставляют не самые приятные ощущения, знаете ли. Впрочем, я почему-то полагаю первый вариант более частым.

— Вы полагаете, у князя мало холопов?

— Я полагаю, что лишних просто не бывает. Я немного изучил местное законодательство и обычаи. Они очень архаичны и вместе с тем интересны. Холопами становятся либо пленные, причем, как вы понимаете, речь о людях низкого звания. Либо же люди по каким-то своим причинам добровольно расстаются со свободой. Пленные остаются в своем звании до смерти человека, пленившего их, а закупы — пока не отработают свой долг. Таким образом, холопов не бывает много, кроме того, правительство обычно крайне негативно относится к закабалению своих подданных. Что, впрочем, вполне понятно: ведь холопы не платят податей. Ну а сейчас, когда твердой, да что там твердой, никакой власти нет, — довольно удобное время, чтобы увеличить число зависимых от тебя людей. А поскольку князь хотя и самый большой началь-

ник, но все же не единственный, идет грызня между дьяками, боярскими детьми и прочими чинами его администрации.

— Вы рассказываете интересные вещи, ваше высочество. Ведь считается, что все москвиты в той или иной степени рабы и их государство всячески старается поработить их.

— Кем считается, заезжими путешественниками, которые мало что видели и еще меньше поняли?

— Ну, мне приходилось слушать пастора Глюка, побывавшего в Москве и рассказывавшего о падении нравов среди ее жителей.

— Я тоже имел такое сомнительное удовольствие при дворе его величества. Пастор с таким воодушевлением рассказывал о множестве падших женщин и полчищах содомитов (и все это в присутствии дам!), что я просто не мог не спросить — была ли у него хоть минута во время путешествия, чтобы заниматься своими прямыми обязанностями, то есть богослужениями, а не визитами к гуляющим девкам.

— И что же он вам ответил? — спросил, засмеявшись, Делгарди.

— Ничего, а вот его величество отреагировал точно так же, как вы. Однако с тех пор некоторые патеры на меня косо смотрят, а ее высочество принцесса Катарина попеняла мне за шутки над священнослужителями, и я обещал ей больше так не делать.

— У вас довольно острый язык, но согласитесь, что в словах преподобного Глюка есть доля правды.

— Я вас умоляю, Якоб! Вы полагаете, что в стокгольмских портовых тавернах меньше гуляющих девок, нежели в Москве? Ваш преподобный хотел найти мерзость, и он ее нашел. Увы, я слишком хорошо знаю таких людей, они охотно ищут недостатки в окружающих, чтобы те не обращали внимания на их пороки. Сегодня пастор обвинит во всех смертных грехах москвитов, а завтра нас с вами.

— Возможно, вы правы, ваше высочество. Могу я узнать, какие у вас планы?

— Ну для начала я прочитаю письмо принцессы. Вполне может статься, что после прочтения его мои планы круто поменяются.

— О, конечно, не смею вам мешать!

Проводив Делгарди, я засел за чтение. Вначале, как водится, длинное и витиеватое приветствие с перечислением

всех титулов — как прирожденных, так и благоприобретенных. Ну что поделаешь, век такой. Затем максимально подробный отчет о делах, в смысле о наших совместных доходах. Столько-то прибыли, столько-то убыли, соответственно в сухом остатке вот столько. Вот не зря злые языки говорят, что первые Ваза были торговцами. А это что? Присланные мной вещи будут бережно храниться, пока мое высочество не вернется. Список прилагается. Какие на фиг вещи? Ах да, как ни мимолетно было посещение Дерпта, кое-что в руки мне все-таки попало. Детально разбираться времени не было, и я недолго думая приказал барахло все скопом отправить на «Марте» в Стокгольм. Моя же благоверная все тщательно осмотрела, взвесила и отложила до лучших времен. Ну или на черный день, тут как повезет. Кстати, а что там? Странно, я вроде церквей не грабил. После дел финансовых дела семейные. Его величество очень доволен удачным налетом на Дерпт и шлет мне пламенный привет. Лучше бы его величество прислал по весне подкреплений, и я поляков выбил бы к черту из южной Эстляндии. Ах вот оно что, его величество также интересуется перспективами становления братца Карла Филипа Московским царем, ну или на худой конец, новгородским герцогом. Снова здорово! Вроде людским языком объяснял, что дабы пропихнуть Карла на трон, надо, во-первых, организовать реальную помощь в деле изгнания поляков из Москвы. А во-вторых, самому королевичу не худо бы подсуетиться. Язык русский хоть немного изучить, православие хотя бы пообещать принять. Глядишь, что и выгорело бы. А так, чтобы русские и сами поляков выгнали, и шведского королевича тут же царем выбрали... Простите, а за какие заслуги? Ну да ладно. Что там дальше? Ее величество королева-мать пребывает в добром здравии, чего и вам... Угу, и теще того же, и той же меркой. Его королевское величество, если будет на то воля божья, станет дядей. Не понял! Это мне супруга так о своей беременности сообщила? Я хуюеу, дорогая редакция!

Я откинулся в кресле, и на меня накатили воспоминания о последних днях, проведенных со шведской принцессой. Тем утром я, как всегда, проснулся ни свет ни заря и долго смотрел на спящую Катарину. Она тоже жаворонок и обычно рано встает, особенно для принцессы, но вчера был торжественный прием, потом танцы, и она устала. Кроме того, сразу заснуть я

ей, понятное дело, не дал. Сами понимаете, дело молодое, а мне скоро в поход. Днем Катарина совсем другая, нежели ночью. Смотрит на людей внимательно и немного строго. Одевается «с приличной скромностью», то есть очень дорого, но при этом не кричаше. В любой ее позе чувствуется прирожденное величие. А сейчас я видел перед собой спящую красивую молодую женщину. Длинные волосы разметались по подушке. Вообще на ночь их положено убирать в чепец, но я терпеть ненавижу это уродливый предмет гардероба. Так что утром у служанок будет одной заботой больше. Комплект ночных сорочек, подаренных в числе прочего на свадьбу тещей, также лежит ненадеванным. Мужчины, принадлежащие к благородному сословию, в это время тоже должны спать в ночных рубашках до пола. Это еще ничего, женские примерно на метр длиннее и тянутся за знатной дамой шлейфом. Ну а чтобы дети все-таки имели шанс появиться на свет, в рубашках предусмотрены отверстия. Когда я впервые увидел это безобразие, меня разобрал смех, потом, правда, было не до смеха. В общем, спали мы с Катариной по моему настоянию исключительно в костюмах Адама и Евы. Впрочем, молодая супруга довольно быстро пришла к выводу, что это удобнее. Ну а если надо позвать прислугу, имеются халаты.

Вид у Катарины донельзя соблазнительный, и я не мог удержаться от поцелуя, потом еще и еще, потом не проснувшаяся до конца принцесса сама страстно обвила меня руками и ногами, и мы отдалились безумной страсти. После чего она, едва отдышавшись, иступленно шептала мне:

— Зачем вам уезжать, Иоганн? Оставайтесь со мной, зачем вам ехать в этот непонятный Новгород?

— Ах, Katusha, мне тоже не хочется от тебя уезжать, одно твое слово — и я останусь. Надеюсь, твой брат...

Но минутная слабость уже прошла, и на меня, завернувшись в халат, смотрела не влюбленная женщина, а суровая шведская принцесса. Будущая мать королей.

— Вы правы, Иоганн, вам нужно ехать, это необходимо.

Нет, вы слышали? Я прав! Вот так они и жили, она в Стокгольме, а он — ну не в Сибири, но все равно далеко. Главное, чтобы дети были. Я не зря назвал ее матерью королей. Просто вспомнилось все-таки, что у Густава Адольфа была только одна дочь, да и та отказалась от престола, перейдя в католиче-

ство. Карл Филип жениться так и не успел, покинув этот бранный мир в довольно юном возрасте, и как вы думаете, чей сын стал следующим шведским королем?

И вот теперь эта снежная королева пишет мне письма. Нет бы написать, что любит и тоскует, — какое там, исключительно делами занята. Добро наше преумножает! И мало ли что у меня первенец (законный) ожидается, главное — чтобы у короля племянник родился! А я тут вроде как и ни при чем! Про иные мои обстоятельства с детьми принцесса, слава тебе господи, пока не в курсе.

Ладно, сел писать ответ.

«Разлюбезная моя Катерина Карловна принцесса Шведская и Великая Герцогиня Мекленбургская. (Вот прямо так, с большой буквы.) Живу я без Вас в страшной тоске, отчего и кидаюсь на окрестных разбойников как лютая тигра. Тигр, если Вы не в курсе, это такой большой и полосатый кот размером с небольшую лошадь. Впрочем, тигры в здешних местах не водятся. Тут вокруг снега и бескрайние просторы, а по этим бескрайним просторам бродят медведи и всякие волки. Причем медведи сии куда больше тигров, а волки тоже довольно крупные. Здешние купцы очень благодарны мне, что я борюсь с разбоем на торговых путях, и подарили мне сорок великолепных соболей (чистая правда) дивной расцветки. А также чудный ларец с речным жемчугом (вот тут вру: у разбойников отнял) преизрядного качества. Каковые соболя и жемчуг с оказией отправляю Вам и настоятельно требую, чтобы Вы, душа моя, немедля заказали из оных соболей шубу и ходили в ней на зависть всем окрестным принцессам.

Весьма рад, что Господь наградил нас (нас, блин!) ребенком, и ради его будущего готов тут и дальше морозить... короче, безмерно страдать вдаль от Вас! Однако надо бы показать мекленбургским подданным их новую герцогиню, посему, может, Вы тонко намекнете Вашему царственному брату, что по мужу соскучились».

Ну вот примерно так. Буду в чуть более благоприятном расположении духа — перебелю начисто письмо, убрав самые сильные фразы. Впрочем, одним сороком соболей купцы не обошлись, так что Петерсону будет задание заглянуть в Дар-

лов, ну и матушке опять же гостинца послать надо. Я чаю, догадается, с кем поделиться.

Недавно выпал снег, и мы на санях катаемся по заснеженным улицам. Мы — это ваш покорный слуга, Лелик, Болик и Клим. Для всех заезжий герцог дурит, но у меня есть дело. Отлавливая бесчисленных разбойников новгородской земли, я, помимо всего прочего, старался разведать каналы сбыта награбленного. Одоевский, конечно, тоже не лыком шит и дело свое знает, но тати первоначально попадают ко мне. Так что нескольких скупщиков он взял, но про одного из главных даже не подозревает.

Зимой смеркается рано, и наступающая ночь застала нас у одного неприятельного кабака, или правильнее, наверное, все-таки корчмы. Это, кстати, не одно и то же. Корчмы, как правило, заведения частные и предназначены все же больше для приема различных путешественников. Там они могут переночевать, поесть, ну и выпить, конечно, куда деваться. Кабаки же заведения казенные и предназначены сугубо для питья, и их в Новгороде на удивление мало. Казалось бы, большой торговый город, а вот поди же! По большому счету местным алкоголикам и выпить негде, кабаков всего три или четыре, и ходят в них заезжие крестьяне и посадские низы, да еще солдаты его величества короля Густава Адольфа. Более-менее порядочные горожане и дворяне пьют дома напитки собственного изготовления. Впрочем, в моей прошлой-будущей жизни даже довольно помпезные рестораны в обиходе именовались кабаками, так что кабак — он и есть кабак.

Мы изрядно намерзлись и ввалились внутрь. Что можно сказать? Бывают и более неприятельные помещения. Но тем не менее внутри относительно тепло, хоть и не сказать чтобы светло. Кабатчик, здоровенный заросший мужик, кланяясь, проводил нас к столу.

— Эй, хозяин!

— Чего изволите, господа?

— Господа изволят гулять! Подай нам выпить и закусить, да лошадам нашим вели овса дать, — скомандовал я пьяным голосом.

— Будет исполнено, — прогудел сочным басом кабатчик.

— Да девок кликни! — подал голос Клим.

Лелик и Болик в русском не сильны, но всем своим видом выражают одобрение.

— Ja, ja, wodka, Huren!!!¹

Посетителей в заведении немного, но те, что были, смотрели на нас не слишком дружелюбно. Мы уселись за грязный стол. Совсем было собрался поднять хай, но половой уже вытирал столешницу тряпичей и стелил скатерть. На столе мигом появился глиняный кувшин и миски с разной снедью. Я кинул хозяину пару талеров — мол, сдачи не надо, гуляем!

Через полчаса в кабаке дым коромыслом. Откуда-то взялись местные музыканты: гуслиар и гудошник, а также мальчишка с дудочкой-жалейкой. Гудошник — это человек, играющий на гудке, своеобразном таком подобии скрипки, только упирает он ее не в челюсть, а в бок. Музыка получается совершенно варварской, но дамам нравится. Дамы заслуживают отдельного описания: четыре довольно дородные девки, возраст которых определить достаточно сложно из-за косметики. Да-да, косметики. Лица покрыты толстым слоем румян, глаза подведены чем-то невообразимым. Зубы... зачернены, отчего смотреть на них откровенно страшно. Короче, помните Марфушеньку из фильма «Морозко», когда ее замуж пытались выдать? Вот что-то в этом роде. Девки поминутно визжат, пляшут и довольно профессионально хлещут спиртное. Не знаю, что нам подает хозяин, но принципиально пью только из своей фляжки. Хотя клофелина еще и не изобрели, я верю в народную медицину и потому не рискую. Впрочем, пойло исправно уничтожают девицы и другие посетители, которых по моему требованию также угощают. Хуже всего, что местные служительницы Афродиты наметанным глазом сразу же определили во мне главного и вступили в бескомпромиссную борьбу за главный приз. Юного герцога всячески обхаживают, вертят перед ним задом и прочими прелестями, не забывая при этом шипеть друг на друга что твои гадюки.

— Маланья, уймись, будешь на маво красавчика пялиться — все бельма выцарапаю!

— Чавой-то он твой, когда купила? Да не грози мне, у самой зацепы остры!

— Не желают ли знатные господа баньку? — высунулся кабатчик.

В других обстоятельствах я бы от баньки не отказался, но не теперь. Отрицательно помотав головой, показываю хозяи-

¹ Да-да, водки и шлюх!!! (нем.)

ну на пустой кувшин и кидаю еще талер. Тот понятно кланяется и уходит, бормоча про себя что-то про проклятых басурман, не желающих мыться, как все православные.

Наконец блудницы определяют, кому достанется неземное счастье в моем лице, и самая дородная, чтобы не сказать толстая, тетка, усевшись рядом, трется об меня с умильным видом. Нет, ребята, мне столько не выпить! И я довольно бесцеремонно отпихиваю ее и показываю пальцем на ее товарку. Сия девица более-менее стройна и куда больше отвечает моему понятию прекрасного. Да и держалась все это время почти скромно, особенно для представительницы ее профессии.

— Человек! — крикнул я пьяным голосом. — Есть ли отдельное помещение для знатного господина?

Помещение есть, и мое высочество с почестями ведут в опочивальню. Находится оное помещение в клетушке наверху, куда мы и идем по шаткой лестнице. Войдя в комнату, я на минутку застываю в раздумье. Денег я показал хозяину довольно, чтобы он клюнул. Времена сейчас лихие, и, даже если бы он не был связан с разбойниками, все равно искушение слишком велико. Но в том, что хозяин — один из главных скупщиков краденого, да и сам не последний душегуб, я уверен. Теперь надо дожидаться, когда он начнет действовать, чтобы бить наверняка. Но вот что делать с девицей? По-хорошему, надо ей безо всяких искусов зажать рот и прирезать, дабы не подняла тревоги раньше времени. Вот ни разу не поверю, чтобы местные жрицы любви не были в доле с хозяином в благородном ремесле ножа и топора. Однако сердце еще не настолько огрубело в семнадцатом веке, чтобы вот так просто убить пусть падшую, но женщину. Так что, очевидно, придется ее связать и заткнуть рот, возможно вырубив перед этим. Натянув на лицо пьяную улыбку, оборачиваюсь к сидящей на убогом ложе девушке и натываюсь на серьезные серые глаза.

— Беги, добрый молодец, убьют тебя!

Вот тебе раз!

— Беги, точно тебе говорю, душегуб хозяин наш, беги, Христом Богом тебя прошу!

— Что-то не пойму я тебя, красна девица, о чем ты толкуешь?

— Тать наш хозяин, разбойник! Убьет тебя, чтобы казну твою забрать, и дружков твоих убьет. Беги, а? Спасайся!

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ МЕКЛЕНБУРГА. Фантастический роман	5
<i>Послесловие автора</i>	343